

Я дописала этот текст в начале марта 2022 года. Время само написало за меня его конец.

Пока я писала, я вспоминала себя в 14. А когда дописала, мне ничего не оставалось, кроме как пойти к живым подросткам. К ребятам, которые внезапно и по воле горького времени попали в страну, в которой не собирались жить. Без друзей, опор и веры в завтра.

Впервые я прочитала этот текст ребятам.

И им же я его посвящаю.

(Дико боюсь кого-то забыть)

Злате, Солнцу, Платону, Льву, Гавриле, Андрею, Саше, Леше, Феде и Феде, Арине и Арине, Антону, Матвею, Майку, Оле, Соне, Вене, Наде и Наде, Яше, Марте, Никите, Глебу, Илье, Тоне, Ёжику, Сэму, Стасу, Василисе, Максусу и другим ребятам, которые заходили к нам, пусть даже и ненадолго.

А еще Фане, Индре, Шмулю и сыну Вене.

Есть у меня и антипосвящение. Я антипосвящаю этот текст классной руководительнице 8А класса, в котором когда-то узнала, что такое травля. Мне не так важно тут имя учителя, как важно с уверенностью сказать, что травля в группах детей — это ответственность взрослых.

Также спасибо Давиду Крикунов, Ане Чепайтене, Ирине Лукьяновой, Мише Вассерману, Пете Чижову, Ксюше Ярош и редакции издательства «Самокат», в котором я и мечтала увидеть напечатанной свою книгу.

1

— Нет, просто нет, и всё! —
Так на всё говорит моя бабушка.
А после этого печёт оладушки
и всё позволяет,
что до того запрещает.

— Бабушка, можно я пойду сегодня
ночевать к Мирону?
— Нет, просто нет, и всё! Сегодня ночуешь дома.
А что у Мирона?
— Пижамная вечеринка.
— Иди. Только надень тёплые ботинки.

Так говорит бабушка.

Папа же говорит:
— Да, без проблем.
А потом требует:
— Повтори снова?
— Пап, ты не слушал совсем.
И я начинаю по новой.

А папа сначала молчит,
А потом ворчит:
— Нет, это не годится.
Зачем приносить в школу пиццу?
Бабушка купит конфет.
Иди завтракать, остывает омлет.

Короче, лучше спрашивать у бабушки, чем у папы.
А вообще, от тоски в нашей семье
я иногда ложусь на пол
и просто смотрю в окно на голые кроны,
пока на кухне варятся макароны.

У меня было две бабушки, теперь одна.
Голые кроны — моя страна.

Мне завтра 14 (сегодня 13).
Но хочется не праздновать, а кусаться.

Мама не дома, за окном слякоть,
на самом деле хочется не кусаться, а плакать.

Меня зовут Гриша, хотя я мог быть и Петей.
Пока я в жизни только свидетель,
как мама с папой любят друг друга,
но им сложно.
Мама бы мир перевернула,
но с папой это совершенно невозможно.
Папа любит маму и копать в историю,
мир сегодняшний для него вообще не тру стори.

Мама защищает права
в общественных организациях
и на улице способна подраться,
если кто-то обидел бездомного.
(Папин брат говорит, что у неё не все дома.)
Мама говорит, что папин брат просто глупый,
говорит, верить, что кто-то сам виноват, — тупо.

Раз у меня внутри скрежещет,
я решил записывать эти вещи.

2

Я взбираюсь на крыльцо школы
на 10 минут позднее,
такого никогда ещё не было.
Я думал, что, если такое случится,
позеленею, —
но я своего обычного бледного цвета,
когда не лето.

Я раздеваюсь неторопливо,
ещё 10 минут не сделают школу сливой,
меня тыквой уже не сделать,
сегодня я баклажан.
Баклажаны не торопятся в школу, как на пожар.

Если честно, я опоздал с поводом.
Просто были мамины проводы,
просто бабушка умерла где-то на краю света.
Просто мама купила билеты
раньше, чем начала плакать.
Просто на улице слякоть.
(Так быстро, знаете, не походишь.)
Короче, я опоздал, как последний уродиш.

Мама уехала почти на месяц,
скорее бы он прошёл.
Папа говорит: «Не волнуйся, ей будет там хорошо.
Она точна, как таблица.

Нельзя заказать в школу пиццу».
Сегодня мой день рождения.
Мне 14. Я читаю Анну Каренину.

В моем классе тоже есть девочка Анна.
Она вроде нормальная, но почему-то странная.
Я смотрю, как её рюкзак летит через рекреацию,
и готовлюсь драться.

Наши самые типа крутые парни
Егор, Даня и Стёпа
прозвали её за причёску Пучком Укропа.
Не то чтобы мне так нравилась эта Аня,
но мне доставляет страдания,
когда я вижу, что кому-то специально
делают больно,
а я стою и смотрю, как покойник.

Мама уехала хоронить свою маму.
Мама сказала бы мне, что я могу
изменить всё сам, но.
Сказала бы, что каждый может
остановить насилие.
Но, мама, где мне взять смелости
для этого усилия?

Я боюсь сам стать изгоем!
Когда я молчу, я за себя спокоен.

Но над бровями, но под глазами
будто вибрирует синяя стрекоза, и
копится моя злость,
копится мой стыд.

Я говорю сам с собой:
— Парни, без обид,
но вы перегибаете палку..
— Тебе что, Пучка Укропа жалко?
Ты, может, на неё запал?

Тут он от хохота упал.

Представляя это, я развязал шнурок
и подумал: может, вообще не идти
на этот первый урок?

Папа говорит:

«Вмешиваться в чужие дразги —
как залезать в плохие сказки.

Заплутаешь и выпьешь из лужи,
а мог бы читать и есть ужин».

До сих пор я был то, что называется задротом:
чтобы успеть на урок, я не допивал компот и
не шёл на дни рождения друзей,
чтобы решить математику:
мои одноклассники называли меня
химиком-фанатиком.
Учителя уважали за усердие и интеллект.
Короче, я был перфект.

Но сегодня утром, кажется, пошла трещина
между мной и школой. Я бросил вещи на
скамью да так и сидел в одном ботинке.
С меня можно было бы рисовать картинки,
я б не заметил.
Меня зовут Гриша, но могли бы звать Петей,
маме больше нравилось имя Пётр,
но папа сказал, что в рифму — «осётр»,
то ли дело — Григорий,
в рифму «горе».
На самом деле папиного деда звали Гриша,
(впрочем, есть легенда, что у него поехала крыша);
назвав в честь него сына,
папа чувствовал себя правильным внуком
и сильным мужчиной.

Короче, я Гриша,
сiju на скамье запасных (ботинок)

в раздевалке, как молитвенный инок,
никуда не спеша,
чувствуя, что чего-то ноет моя душа,
чувствуя, что я потерял ориентиры
по пути от квартиры.

Меня зовут Гриша, я не умею
кататься на велосипеде,
и пока я в жизни только свидетель
того, как мои одноклассники любят издеваться
над теми, кто не хочет, как они, одеваться,
над теми, кто не умеет им в лицо смеяться,
над теми, кто пытается выделяться.
Спасибо-спасибо, меня они не трогают:
я умный, тихий и немножечко робот,
у меня всегда 5 по физике и по химии,
я от всех могу откупиться ими.

Никто не станет того обижать,
у кого иногда можно списать.

Короче, я устал быть одним из свидетелей,
которых больше 5 миллиардов на свете.
Я хочу стать действующим,
хочу стать действительным,
как Гарри Поттер, если бы он жил в Питере,
если бы у него волшебства не было,
а только в окне серое небо и
под ногами серая слякоть.
Я сижу в раздевалке, хочется плакать.

3

Расскажу вам про бабушку.
Она умерла за 5000 километров отсюда.
Однажды я заболел у неё в гостях.
У меня была простуда.
Сначала бабушка какой-то пахучей штукой
натёрла мне висок,
потом принесла мне фиолетовый сок
(без её бдительного взгляда я б выпить его
не смог),
потом нажала на какую-то точку
под моей ключицей —
так, что я решил отключиться.
Наутро я проснулся здоровый, как новый буфет,
и попросил конфет.

Короче, я думал, что бабушка не может умереть.
У неё есть чёрная редька ведь.
У неё йога каждое утро в 6.35
и дыхательная практика «три-четыре-пять».
Короче, бабушка в свои 67
выглядела если и не на 27,
то и не бабушкой совсем.

Но жизнь, как говорит оставшаяся бабушка,
удивительный приз.
Иногда она преподносит нам сюрприз,
твёрдый, как пятилетний ирис «Кис-кис»:

кто-то остаётся без зубов,
а я — без ориентиров и бабушкиных огурцов.

— Петелькин, что ты делаешь тут?
Меня зовут Гриша, но Петелькиным тоже
меня зовут.

Это мимо пробежал наш физрук.
Он без окриков по фамилии — как без рук.

Я, Алексей Степанович, тут сижу,
потому что места в мире себе я не нахожу.

Я бы ему сказал, но, конечно же, не сказал.
Он не дождался ответа и побежал в спортзал.
Я — хороший ученик, меня не в чем подозревать,
раз у меня по химии 5.

А, кстати, зря они так небдительны,
раз с таблицей Менделеева мне упоительно!
Может быть, даже в своём 9-м классе
я могу утопить ментос в квасе,
добавить ещё пару соединений,
и всё — школа залита для будущих поколений,
превращена в новую субстанцию,
на уши подняты все инстанции.
Вокруг выстроен купол из гипрока,
чтобы с улицы не увидело ни одно око,
как внутри из гейзеров бьют тетради.
Кстати, получилась крутая пати!

Но я тихий, послушный, сижу на второй парте
слева,
вовремя стригу ногти, хоть по гороскопу не Дева,
с одноклассниками веду себя, скажем, на равных.
Никто не ждёт от меня действий
противоправных.

4

Я вздрогнул от звонка,
будто меня ударила собственная рука.
Топот десятков ног
привёл меня в рекреации уголок.
Моего отсутствия не заметили –
замечают деятелей, а не свидетелей.

В общем, я не произвёл хайпа,
но сразу почувствовал тревожный вайб...

— Эй, Егор,
смотри, у Пучка Укропа на голове капор!
— Чё? Чё это за слова? Ты чё, старик?
— Пучок Укропа, такие шапки носили,
когда Ленин лез на броневик.
— Оп! Это теперь Бабушка Пучок,
вместо рюкзака у неё должен быть сундучок.

Бабушка, бабушка, где ваше пенсне?
Дед-охранник видит тебя во сне.
И о, какие у него сны!
Слюна течёт из десны.

Внутри меня что-то затряслось.
Кажется, началось.

Аня ничего не отвечает,
делает вид, что не услышала.
Зато я вдруг произношу:
— Даня, у тебя чего, поехала крыша?
Я вдруг произношу?
Или мне показалось?
Это не я?
Но я всё-таки продолжаю:
— Стас, ты свинья!
Да ладно?
Это я не могу остановиться?
— Парни, у вас такие тупые шутки,
убиться!
(Лучше б я принёс в школу пиццу.)

Кстати, мне уже не 13.
Самое время научиться драться.

Но вроде никто меня пока не бьёт.
— Эй, Гриша, ты чё, выпил отравленный компот?
Смотрите, что говорит наш задрот!

— Лучше быть задротом, чем идиотом, — говорю я.
У Ани крутая шапка. Даня, не понимаешь ты
ничего.

Тут я, честное слово, впервые в жизни выругался
матом вслух
и сам от этого чуть припух.

Кроме того, мне не слишком повезло.
В этот момент, как назло,
из кабинета вышла Глория,
она же Галина Ларионовна, наш препода
по истории.

— Гриша Петелькин? Гриша Петелькин? Ты ли это?
Я сейчас разочарована, как комета,
которая летела к земле, но пролетела.
Услышала то, что слышать я не хотела.

Чтоб это было в последний раз!
А ну-ка все в класс.

Я чувствую, как меня не переставая трясёт.
Я ничего не понимаю, но слышу всё.
Моя однопартница Оля
почему-то не в школе.
Для моих локтей много места.
За спиной я слышу шёпот: «Его невеста».
Я вижу: по классу летит записка...
Кажется, я теперь в группе риска.

Кажется, заступившись за Аню,
я сам оказался за гранью
приемлемых в нашем классе.
— Петелькин, мат вас не красит!
Расскажите лучше про поход Наполеона
Бонапарта.

Идите к доске, вон карта.

— Извините, Галина Ларионовна, я сегодня
не готов.

— У него скоро свадьба. Ему не до истории,
у него любовь!

— Может быть, вы нам тогда расскажете, Романов,
раз у вас нет собственных любовных романов?

Даня, конечно, попал впросак.
А я молчу, красный как рак.

И Аня молчит на средней парте первого ряда;
наверняка она не очень рада
моему заступничеству,
родившему новые поводы
стебать её и меня.
Впрочем, внутри меня другие доводы.
Я думаю о маме, о том, чтобы она бы сейчас
сказала,
о том, что мат был немного лишним,
о том, что этого мало,